

М. В. Новиков

Динамика пограничности «ученого сословия» императорской России

Выполнено по гранту РГНФ 15–03–00655

В статье рассматриваются изменения особого положения «ученого сословия» в сословной системе Российской империи на основе анализа уставов императорских университетов, которые утверждались императорами, начиная с указа Петра I от 1724 г. о создании Академии наук и аффилированного с ней академического университета до «общего» устава 1884 г. Отмечается широкий спектр «вольностей» и привилегий, которые получало «ученое сословие» согласно указу Петра I, устава Московского университета от 1755 г. и «общего» устава 1804 г. Подчеркивается противоречивость коллегиальных, демократических форм управления университетами с самодержавной, бюрократической системой управления страной. Отмечается, что данное противоречие нашло свое отражение при выработке текстов уставов 1835, 1863 и 1884 гг., отмечается компромиссный характер данных уставов. Подчеркивается, что общей тенденцией всех трех последних уставов стало уменьшение принципа коллегиальности в управлении университетами и уменьшение полномочий органов университетского самоуправления – советов университетов при одновременном сохранении и даже увеличении привилегий «ученого сословия» России.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство народного просвещения, императорские университеты, уставы императорских университетов, министр народного просвещения, попечитель учебного округа, совет университета, «ученое сословие», профессор, преподаватель.

M. V. Novikov

Dynamics of Frontier of «Scientific Estate» in Imperial Russia

In the article are regarded changes of a special position of «scientific estate» in the class system of the Russian Empire on the basis of the analysis of charters of imperial universities, which were affirmed by emperors, starting from Peter I's decree in 1724 about creation of the Academy of Sciences and the affiliated academic university to the «general» charter in 1884. The wide range of «liberties» and privileges which were received by «the scientific estate» according to Peter I's decree, the charter of Moscow university in 1755 and the «general» charter in 1804 is noted. Discrepancy of the joint, democratic forms of management of universities with an autocratic, bureaucratic management system in the country is emphasized. It is noted that this contradiction found its reflection in development of the charters texts in 1835, 1863 and 1884, a compromise nature of these charters is noted. It is emphasized that reduction of the principle of collective leadership in management of universities and reduction of powers of bodies of university self-government – Councils of universities was a trend of the three charters and at the same time there were privileges of «the scientific estate» in Russia, which were kept and even increased.

Keywords: Russian Empire, Ministry of national education, imperial universities, charters of imperial universities, Minister of national education, trustee of the educational district, Council of university, «scientific estate», professor, teacher.

Профессора, доценты, старшие преподаватели и ассистенты, работающие в университетах и других высших учебных заведениях, образуют единое «сообщество ученых», имеющих общие интересы, которые отделяют их от остальных людей. По мнению выдающегося американского педагога и исследователя проблем высшей школы Бертона Кларка, «члены этого сообщества имеют право на особые привилегии», имея в виду, прежде всего, «свободу исследования», «свободу преподавания», а также личную автономию и коллегиальное самоуправление [3, с. 119]. Тем самым как бы проводится невидимая граница между «сообществом ученых» и остальными людьми. Данная статья ставит своей целью рассмотреть динамику пограничности «сообщества ученых», или «ученого сословия», Российской империи с момента

его возникновения на основе анализа основных документов – уставов, регламентировавших деятельность российских императорских университетов.

История российских университетов начинается со времени появления Именного указа Петра I о создании Академии наук и аффилированного с ней академического университета в г. Санкт-Петербурге – с 28 января 1724 г. Созданное императором научно-учебное объединение в то время не имело аналогов в мире, и академиком, согласно уставу Академии, разработанному Петром I, вменялось в обязанность «науки производить», обучать молодых людей, читая «наставления», то есть лекции, один час в день, а также распространять научные знания через чтение публичных лекций. Устав определял особый статус новой для России

социальной группы – «ученых людей». Для того, чтобы они ни в чем не испытывали нужды, император назначил им в помощь своих доверенных людей – кураторов, которые были обязаны удовлетворять все бытовые потребности академиков и создавать самые благоприятные условия для их труда [7, с. 220–224].

Совершенно очевидно, что первый российский университетский устав содержал недостаточно конкретных черт «пограничности» нового сословия и эта ситуация будет частично исправлена во втором университетском уставе – уставе Московского университета. Продолжая дело своего отца, императрица Елизавета Петровна 12 (25) января 1755 г. подписала указ о создании университета в Москве. Устав Московского университета, разработанный М. В. Ломоносовым и фаворитом императрицы графом И. И. Шуваловым, имел в своей основе устав Лейденского университета.

Устав предоставлял Московскому университету широкие «вольности», ему отводилось особое почетное место среди других государственных учреждений России. Московский университет объявлялся независимым от всех властных структур, кроме «Правительствующего Сената», которому он подчинялся непосредственно [1, с. 18]. В университете учреждался собственный суд, полномочия которого распространялись и на преподавателей, и на студентов, суд имел право наказывать студентов «за дерзость и беспорядки» штрафом, размер которого определялся тяжестью совершенного правонарушения [1, с. 21]. Преподаватели и студенты освобождались от военных постоев, полицейских повинностей, вычетов из жалования и всяких других государственных сборов [1, с. 19].

Устав разрешал преподавателям «давать уроки», то есть проводить консультации за умеренную плату, самостоятельно распределять свои занятия со студентами по семестрам, вывешивать специальные объявления о времени проведения своих лекций, планировать свой отпуск в соответствии с «вакациями» студентов [1, с. 20]. Что касается студентов, то их поведение определялось особыми правилами, которые они обязывались исполнять под расписку. Студенты были обязаны носить шпагу, которая свидетельствовала о том, что учеба в университете была своего рода службой, по окончании университета они получали обер-офицерский чин. Устав запрещал против воли студента его «от наук отлучать и к службе приуждать» [1, с. 20].

Как мы видим, устав Московского университета более четко определял границы нового для России XVIII в. сословия «ученых людей» – препода-

вателей и студентов. Однако оценить по-настоящему дарованные уставом широкие преимущества и привилегии могли, в основном, преподаватели иноземного происхождения, как правило немцы, поступавшие на службу в Московский университет преимущественно ради материальных выгод и социальных гарантий, которых они не могли получить на родине [6, с. 27].

Время правления Александра I (1801–1825 гг.) стало важным этапом в развитии системы образования в России в целом и университетского образования в частности. В целях совершенствования системы государственного управления молодой император ликвидировал петровские коллегии и учредил восемь министерств, в том числе Министерство народного просвещения, которому поручалось руководство всеми образовательными учреждениями империи, включая университеты. Открывая новые университеты, министерство одновременно подготовило и новый «общий» университетский устав. Пятого ноября 1804 г. этот устав был утвержден императором и прочно вошел в сознание современников как эталон государственного правового регулирования деятельности университетов. Это был продуманный, полный и проработанный документ, к числу его недостатков следует отнести относительную многословность и излишнюю пространность. Устав начинается с определения понятия «университет», в соответствии с которым это «высшее учебное сословие, для преподавания наук учрежденное» [8, с. 23].

В 24 параграфе устава следует уточнение, из которого становится очевидным, что авторы устава отождествляли профессорско-преподавательский состав и с факультетами, и собственно с университетом [8, с. 25–26]. Понятие «ученое сословие» применялось для обозначения как самого университета, его структурных подразделений, так и коллектива преподавателей. В дальнейшем, в ходе развития российских университетов, под «ученым сословием» будет пониматься только профессорско-преподавательский состав или профессорско-преподавательский состав и студенчество.

Согласно уставу главным органом власти университета был его совет, состоявший из заслуженных и ординарных профессоров. Совет комплектовался на основе выборного начала, его состав утверждался министром народного просвещения. Совет наделялся обширными полномочиями. Так, к его компетенции относились избрание на должности ректора и директоров подведомственных университетам образовательных учреждений, а также преподавателей. Совет являлся высшей ин-

станцией университетского суда, который рассматривал конфликты, жалобы, денежные иски и т. д. Все дела в совете решались простым большинством голосов, голосование было открытым. Поскольку совет заседал один раз в месяц, для оперативного решения возникавших проблем устав предполагал функционирование в университетах и других органах управления – факультетских собраний и правления. На факультетских собраниях решались вопросы учебной деятельности, к компетенции правления, состоявшего из ректора и деканов, относилось решение правовых, хозяйственных и финансовых вопросов [8, с. 24–36].

Согласно уставу университет имел право осуществлять судебные функции по гражданским и уголовным делам представителей «ученого сословия» и студентов. В гражданских делах университет разбирал все тяжбы, кроме дел о недвижимом имуществе, в уголовных делах имел право производить досудебное следствие, привлекая для этого двух профессоров-правоведов. При нарушениях дисциплинарного характера университет имел право наложить взыскания, вплоть до заключения под стражу. Совет университета как высшая судебная инстанция мог отчислить и уволить любого студента и сотрудника университета за нерадивость, неповиновение начальству и за «непростительные проступки» [8, с. 34–35].

Наряду с обязанностями преподавателей, главная из которых состояла в том, чтобы преподавать «лучшим и понятнейшим образом», соединять теорию с практикой и постоянно пополнять свои «наставления» (лекции) новыми, в том числе зарубежными, открытиями, устав предоставлял «ученому сословию» широкие права. При чтении лекций профессора имели право руководствоваться своими собственными научными трудами и работами своих авторитетных коллег, они могли пользоваться всеми книгами университетской библиотеки, включая те из них, которые были признаны цензорами «вредными» [6, с. 47].

Согласно уставу студенческий сегмент «ученого сословия» наделялся также значительными преимуществами. Устав 1804 г. не предусматривал никаких сословных ограничений при приеме в университет, обучение объявлялось бесплатным для представителей всех сословий. Университет имел возможности для материальной поддержки студентов из неимущих семей через систему «благодотворителей» [8, с. 24].

Все студенты в соответствии с уставом делились на две категории – «своекоштных», живших на съемных квартирах и находившихся на собственном иждивении, и «казеннокоштных», не-

имущих, содержание которых определялось университетом. Естественным ограничителем расширения численности студентов второй категории был скудный бюджет университета и их количество никогда не превышало число «своекоштных» студентов. Все «казеннокоштные» студенты после окончания университета были обязаны отработать шесть лет в регионах на должностях, определяемых Министерством народного просвещения, обычно учителями гимназий и народных училищ, выпускники медицинских факультетов направлялись на военно-медицинскую службу в армию.

В устав были заложены стимулы для хорошей учебы и «добронравия», лучшие награждались медалями, они имели возможность получения магистерского и докторского «достоинства» и связанных с этим перспектив получения личного и потомственного дворянства, высоких позиций в «Табели о рангах» [8, с. 52].

В целом, первый «общий» устав российских университетов определил основные границы, отделявшие «ученое сословие» России от остального населения империи и эти границы соответствовали критериям Б. Кларка – коллегияльное самоуправление, личная автономия, свобода преподавания, свобода исследования. Тем самым, внутри самодержавной империи была создана «университетская республика», которая не могла не вступить в конфликт с окружающей действительностью. Лишившись обещанной уставом поддержки со стороны императора Александра I после окончания наполеоновских войн, «университетская республика» предсказуемо стала клониться к упадку, границы прав «ученого сословия» начали сужаться [6, с. 54].

Изменение отношения императора к университетам, которые он стал считать рассадником ложных и пагубных знаний, безнравственности, атеизма и вольнодумия привело к преобразованию в 1817 г. Министерства народного просвещения в Министерство духовных дел и народного просвещения. Новый министр князь А. Н. Голицын приступил к реформированию всей системы образования, требуя отказа от принципа свободы научных исследований и от научной критики религии в целях укрепления религиозной нравственности [6, с. 57].

На университеты обрушились многочисленные запреты, уровень научности начал быстро снижаться. Казанский университет стараниями попечителя М. Л. Магницкого, «инструкции» которого фактически заменили «общий» университетский устав, был превращен в исправительно-воспитательное заведение, средневековый католический монастырь. Подобное, хотя и в меньшей

степени, происходило в Харьковском, Дерптском и Санкт-Петербургском университетах, меньше других пострадал флагман – Московский университет. Усилилась цензура, наконец в 1820 г. была введена плата за обучение в университетах, что закрыло доступ к высшему образованию для выходцев из малообеспеченных слоев общества и привело к сокращению контингента студентов [6, с. 64].

Дальнейшее сужение внешних границ «ученого сословия» продолжилось в эпоху императора Николая I (1825–1855 гг.). Утвержденный Николаем I 26 июля 1835 г. новый «общий» университетский устав, написанный сухим деловым языком, был призван покончить с республиканским устройством университетов, противоречившим государственному порядку, основанному на подчинении всех учреждений империи самодержавной власти. Устав больше не рассматривал университеты как «ученое сословие», в нем даже нет вообще этого понятия, третий его параграф гласил: «Каждый факультет состоит из учащих и учащихся» [1, с. 37].

Устав существенно ограничивал автономию университетов, что проявилось в усилении полномочий попечителя, ограничении выборного начала, ликвидации университетского суда. Устав сокращал и права совета университета, лишая его возможности осуществлять судебные и хозяйственные функции. Согласно уставу преподаватели университетов по-прежнему избирались советом на свои должности, однако одновременно министр народного просвещения получал право по собственному усмотрению назначать «на вакантные кафедры людей» [2, с. 43].

Новый устав вводил стажевое ограничение для профессоров – 25 лет работы в должности, после чего следовало присвоение звания «заслуженный профессор» и увольнение со службы с назначением пенсии в размере полного оклада, в случае продолжения работы профессору выплачивались и пенсия и оклад [2, с. 43]. Устав больше не рассматривал профессорско-преподавательский состав университетов как особое привилегированное «ученое сословие», определял преподавателей как «чиновников по нравственной и учебной части», имевших, согласно «Табели о рангах», VIII класс и ниже. Что касается профессоров, то многие из них к концу своей карьеры достигали статуса действительного статского советника, равного генеральскому званию, некоторые получали чин III класса – тайного советника. Практически все профессора могли рассчитывать на личное (с IX класса) или потомственное (с IV класса) дворянство и связанные с ним привилегии.

Статьи устава, определявшие границы прав студентов, были достаточно демократичными и не соответствовали пожеланиям консерваторов сделать университеты доступными только для дворянской молодежи. Новый устав не вводил дополнительных преград для поступления в университеты. Все студенты, окончившие университет, при поступлении на гражданскую службу получали чин XII класса, а на военной – производство в офицеры через полгода службы, лучшие получали степень «кандидата» и чин X класса. Вольнослушатели из податных сословий (мещан, купцов и т. д.) с получением звания «кандидат» получали право на выход из податного сословия.

В целом, устав 1835 г., ограничив университеты в их правах, сохранил привилегированный статус «ученого сословия», которое включалось в общую систему чиновничьей иерархии Российской империи.

Устав 1835 г. фактически действовал чуть более десяти лет. Революционные события 1848 г. в Европе и опасения проникновения «революционной заразы» в Россию подвигли Николая I на очередное наступление на права «ученого сословия». В 1848–1855 гг., получившие название «мрачного семилетия» в истории «ученого сословия», были предприняты превентивные меры, в основном запретительного характера. Все началось с запрета научных командировок преподавателей и лучших выпускников в европейские университеты «для совершенствования в науках», потом последовал запрет на получение литературы из-за рубежа [6, с. 87]. Следующим шагом стало введение высокой платы за обучение с целью создания барьера для лиц «низших состояний», для которых высшее образование «бесполезно», что привело к резкому уменьшению численности студентов в университетах [6, с. 90].

Затем последовало лишение «ученого сословия» права избирать ректора и деканов, которые отныне должны были назначаться министром народного просвещения. Оказавшись в полной зависимости от министра, ректор и деканы, согласно полученным «инструкциям», должны были покончить со свободой преподавания и организовать контроль за содержанием лекций и их соответствием утвержденным программам. В 1850 г. Высочайшим повелением были закрыты кафедры истории философии и метафизики, упразднено преподавание философии светскими профессорами [6, с. 97]. Дальнейшее наступление на права «ученого сословия» остановила только «национальная катастрофа» – Крымская война.

Период правления Александра II (1855–1881 гг.) вошел в историю как период Великих реформ,

в том числе и в сфере высшего образования. Практически сразу началась работа по подготовке нового университетского устава, которая продолжалась более пяти лет, сопровождалась сменой четырех министров народного просвещения и завершилась Высочайшим утверждением устава в июне 1863 г. Устав стал компромиссом между имперской бюрократией и либералами, тем не менее отмена административных ограничений и полицейского произвола Николаевской эпохи, укрепление юридического статуса «ученого сословия» дали основания многим современникам считать его «самым либеральным» в дореволюционной России [6, с. 191].

Устав 1863 г. восстановил в полном объеме нарушенное уставом 1835 г. и последующими постановлениями университетское самоуправление. Совет университета в соответствии с новым уставом вновь превращался в высшую инстанцию управления. Вызванное этим обстоятельством воодушевление членов совета, серьезность и ответственность за принятые коллегиально решения приводили к затягиванию обсуждения любого вопроса на три-четыре часа и возникновению межличностных конфликтов среди профессоров – членов совета [6, с. 205–206]. Восстанавливалась деятельность университетского суда на условиях, отличных от устава 1804 г. Полномочия университетского суда были сокращены, он мог рассматривать лишь дисциплинарные дела студентов. Устав 1863 г. существенно расширил права еще одного органа университетского самоуправления – права факультетских собраний, они стали более разнообразными и весомыми [5, с. 11–12].

В целом, устав 1863 г. усилил действенность коллегиальных органов университетской власти, расширил, хотя и строго определил, пределы юридических полномочий совета университета, факультетских собраний, ректора и их взаимоотношений [6, с. 211]. В то же время устав сохранил, хотя и в усеченном виде, права попечителей, министра народного просвещения в отношении университетов, что позволяет сделать вывод о том, что автономия университетов была неполной, а самоуправление – ограниченным. Очевидно, что в условиях самодержавия по-другому быть и не могло.

Устав 1863 г. вносил серьезные изменения в положение «ученого сословия». Прежде всего значительно увеличивалось число кафедр и численность преподавательского состава. Устав сохранил закрепленные в 1835 г. процедуры замещения вакантных должностей – избрание на совете и назначение министром, хотя и усовершенствовал их [5, с. 23–27]. Устав сохранил прежнее

штатное расписание с делением преподавателей на ординарных и экстраординарных профессоров, а также лекторов иностранных языков, добавив к ним доцентов и приват-доцентов. Устав существенно улучшил материальное положение преподавателей, установив достаточно высокие оклады и разрешив выплаты различных надбавок из внебюджетных средств [6, с. 225–226].

Устав ликвидировал имевшийся прежде разрыв в оплате труда профессоров столичных и провинциальных университетов [5, с. 31–33], а также сохранил двадцатипятилетний стаж для получения штатным профессором звания «заслуженный» и выхода на пенсию, размер которой был по-прежнему равен окладу. Тем, кто продолжал работу после выхода на пенсию, выплачивались и пенсия, и оклад в полном объеме [5, с. 42].

Согласно уставу 1863 г., все преподаватели университетов были повышены в служебных чинах на два разряда. Так, ректору присваивался IV класс (действительный статский советник), ординарному профессору – V класс (статский советник), экстраординарному профессору – VI класс (коллежский советник), доценту – VII класс (надворный советник), лектору – VIII класс (коллежский асессор). Повышение классов преподавателей в условиях чиновно-бюрократической России имело большое значение для укрепления социального статуса «ученого сословия».

Наряду с улучшением статусного и материального положения «ученого сословия», в устав был заложен параграф о моральном стимулировании, определен порядок представления преподавателей к государственным наградам. Ежегодно по Министерству народного просвещения награждались около 150 человек, что даже дало повод для выступлений критиков, опасавшихся девальвации государственных наград [6, с. 229].

Новый устав создавал «ученому сословию» благоприятные условия для проведения научных исследований. В устав было заложено увеличение объема денежных средств на содержание научной инфраструктуры, все преподаватели вновь получили право выписывать из-за границы любые книги и журналы, которые не подлежали проверке цензурой, а также необходимое научное оборудование [5, с. 39].

«Ученое сословие», согласно уставу, получило немало других льгот, которых не имели российские чиновники. Преподаватели могли вступать в научные общества, имели «квартирные и столовые» надбавки, с присвоением ученой степени получали личное или потомственное дворянство, имели 29-дневный отпуск, могли рассчитывать на юридическую защиту со стороны университета в

случае предъявления каких-либо обвинений. В целом, устав увеличил престижность и привлекательность преподавательского труда, укрепил финансовое положение и социальный статус «ученого сословия», создал более приемлемые условия для осуществления научных исследований.

Что касается студентов, устав 1863 г. стал своеобразной реакцией на студенческие беспорядки 1850-х гг. Устав 1863 г., в противовес уставам 1804 и 1835 гг., более не рассматривал студентов как часть «ученого сословия» [6, с. 238].

С именем императора Александра III (1881–1894 гг.) связано принятие еще одного университетского устава, устава 1884 г., который является своеобразным отражением консервативной политики монарха, политики, направленной на сдерживание и подавление нарастающего революционного движения. По мнению современников, данный устав полнее всех предшествующих проводил линию подчинения университетов жесткому правительственному контролю [6, с. 298].

Устав отменял выборность ректора и деканов советами университетов, вводил систему их назначения министром народного просвещения. Существенно увеличив полномочия министра, попечителя и ректора, устав одновременно ограничил полномочия совета университета, за которым закреплялись лишь учебные и научные функции. Более того, совет университета стал совещательным собранием, не обладавшим прямой распорядительной функцией. Большая часть дел, рассмотренных советом, шла на утверждение министру народного просвещения. Самостоятельность совета была подорвана, это позволило современникам утверждать, что устав свел «автономию профессорской коллегии на нуль» [6, с. 310]. Лишив совет – средоточие прежней университетской автономии – его руководящей роли в делах университета, составители устава нанесли серьезный удар по авторитету профессорской коллегии [6, с. 310].

Сводя на нет роль университетского самоуправления, устав одновременно сохранил, а в чем-то даже расширил перечень особых привилегий профессоров и преподавателей, заложенных в предыдущих уставах. Прежде всего, устав позволял улучшить материальное положение профессоров и преподавателей за счет введения особой дополнительной оплаты их труда – гонорара со студентов и слушателей. Устав предлагал взимать с каждого студента и слушателя «по пяти рублей за каждое полугодие» за слушание лекций и участие в практических занятиях, а также по одному рублю за один час слушания лекции профессора по желанию студента [4, с. 1019]. Введение гонорар-

ной системы имело особое значение для приват-доцентов, не имевших официальной заработной платы. Устав сохранил основные параметры пенсионного обеспечения профессоров и преподавателей, принятые в предыдущих уставах, одновременно вводились дополнительные льготные условия выхода на пенсию [4, с. 1023–1026].

Согласно новому уставу, профессора и преподаватели имели четко нормированную рабочую неделю (6 часов) [4, с. 1005], ежегодный оплачиваемый отпуск [4, с. 988], право на заграничные командировки за государственный счет [4, с. 1023], право беспрошльного ввоза из-за границы книг и научного оборудования, право бесцензурного издания своих трудов в типографии университета [4, с. 1021–1022]. Профессора и преподаватели сохранили свои привилегии, связанные с производством в чины согласно «Табели о рангах» [6, с. 332].

Все эти важные преимущества, определявшие особость «ученого сословия» России и отделявшие его от остального населения Российской империи, нивелировались изменением положения профессоров. Согласно уставу они считались чиновниками на государственной службе, обязаны носить «синие форменные фраки», развитие их профессиональной карьеры отныне определялось не советом университета, а министром народного просвещения и попечителем.

Что касается студентов, устав 1884 г. имел своей главной целью поставить обучающихся в такое положение, в котором их внимание было бы сосредоточено исключительно на учебном процессе, что, по мнению составителей устава, должно было устранить всякую почву для возникновения беспорядков и распространения революционной пропаганды [6, с. 333]. В уставе 1884 г. подтверждалось положение устава 1863 г. об исключении студентов из состава «ученого сословия» России.

Система высшего образования в Российской империи возникла значительно позднее, чем в западноевропейских государствах, однако понадобилось всего сто лет, и сравнительно немногочисленное «ученое сословие» создало отечественные научные школы в самых различных областях знания, их открытия навсегда прославили Россию как одну из ведущих исследовательских держав. Система создавалась как государственная, университеты открывались указами императоров, государство несло основное бремя расходов на их содержание. Уставы университетов утверждались императорами, создавались они на основе лучших европейских образцов и с самого начала в них были заложены основополагающие университетские принципы: автономия, самоуправление, сво-

бода исследования, свобода преподавания. В условиях России эти принципы неизбежно вступали в противоречие с самодержавной формой правления, поэтому положение «ученого сословия» менялось в зависимости от политической конъюнктуры. Неизменным оставалось одно: с самого начала, начиная с указа Петра I, «ученое сословие» занимало особое привилегированное место в сословной системе Российской империи.

Библиографический список

1. 1755, генваря 12 Высочайше утвержденный проэкт об учреждении Московского университета: Проэкт // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 18–22.
2. Июля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный общий устав императорских российских университетов // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 37–46.
3. Кларк, Б. Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе [Текст] / Б. Р. Кларк ; пер. с английского. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 360 с.
4. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 1884 год. – Т. IX. Царствование императора Александра III. – СПб., 1983. – № 135. – С. 985–1026.
5. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 3–43.
6. Перфилова, Т. Б. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов [Текст] / Т. Б. Перфилова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. – 467 с.
7. Указ (Именной), объявленный из Сената, 1724, генваря 28. Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. – С приложением проэкта об учреждении Академии // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. VII. Царствование Госуда-

ря императора Петра Первого. 1723–1727. – № 4443. – С. 220–224.

8. Университетский устав 5 ноября 1804 года // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 23–36.

Bibliograficheskiy spisok

1. 1755, genvarja 12 Vysochajshe utverzhdennyj projekt ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta: Projekt // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ih ustavah i vospominanijah sovremennikov. – Vyp. pervyj: Universitety do jepohi shestidesjatyh godov. – SPb., 1914. – S. 18–22.
2. Ijulja 26-go 1835 goda Vysochajshe utverzhdennyj obshhij ustav imperatorskih rossijskih universitetov // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ih ustavah i vospominanijah sovremennikov. – Vyp. pervyj: Universitety do jepohi shestidesjatyh godov. – SPb., 1914. – S. 37–46.
3. Klark, B. R. Sistema vysshego obrazovanija: akademicheskaja organizacija v kross-nacional'noj perspektive [Tekst] / B. R. Klark ; per. s anglijskogo. – M. : Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2011. – 360 s.
4. Obshhij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov [Tekst] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – 1884 god. – T. IX. Carstvovanie imperatora Aleksandra III. – SPb., 1983. – № 135. – S. 985–1026.
5. Obshhij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov [Tekst] // Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – S. 3–43.
6. Perfilova, T. B. «Uchenoe soslovie» Rossii v pravovom prostranstve ustavov Imperatorskih universitetov [Tekst] / T. B. Perfilova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2014. – 467 s.
7. Ukaz (Imennoj), ob#javlennyj iz Senata, 1724, genvarja 28. Ob uchrezhdenii Akademii i o naznachenii dlja sodержanija onoj dohodov tamozhennyh i licentnyh, sobiraemyh s gorodov Narvy, Derpta, Pernova i Arensburga. – S prilozheniem projekta ob uchrezhdenii Akademii // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – SPb., 1830. – T. VII. Carstvovanie Gosudarja imperatora Petra Pervogo. 1723–1727. – № 4443. – S. 220–224.
8. Universitetskij ustav 5 nojabrja 1804 goda // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ih ustavah i vospominanijah sovremennikov. – Vyp. pervyj: Universitety do jepohi shestidesjatyh godov. – SPb., 1914. – S. 23–36.